

АНДРЕЙ ТЕРЕНТЬЕВ

Глава из повести

В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ

Звонок резко звякнул, дверь распахнулась и Логачев забасил с порога:

- Леониду Даниловичу и хозяйшке Раисе Мелентьевне - многие лета! А ноне понадобился ты, Борис. Нюхом чуял, что ты у брата околачиваешься. Привел к вам гражданку Нину Яковлевну. Они со своим Макаром рехнулись и решили на даче установить радиоприемник - воров приманивать. Нужна антенна. А Макар заартачился и на крышу лезти не желает. Опасается тую крышу завалить. Яковлевна решила обратиться к моим потомкам, но те с утра в бегах. Сам же я по старости лет...

... А главное из-за неодолимой лени, дядя Костя.

- Не богохульствуй, сестра моя. Но из-за старческих недугов лезти на крышу мне противопоказано. Нечестивое дело перепоручаю испытанному члену своей бригады - отроку Борису. Пришибешь, Борис, магарыч, а уж реализовать-то его я тебе всегда помогу.

Логачев держался фертом. Распаренный до огнедышащей красноты - только что из ванны, - в тапочках на босу ногу, в белой шелковой безрукавке, в отутюженных ядовитого горчичного цвета брюках. Непросохшие пепельные волосы топорщились задиристыми хохолками.

Борис зубами обжал свинцовое грузило на "донке", вытер губы.

- Очень интересно получается. У гражданки Евсеевой имеется вполне законный муж, а всеми уважаемый товарищ Шлыков Борис Данилович в ущерб своему авторитету почему-то должен рвать штаны по чужим крышам. Очень интересно!

Евсеева всплеснула полными руками.

- Боря, да разве мой тюлень удержится на такой шаткой высоте? Он по мостовой-то еще кое-как загребают, а

уж по крышам ни-ни-ни... Так неужели ты, бессердечный, хочешь оставить меня вдовой в расцвете молодости и красоты?

- Тебя оставишь, Лиса-Патрикеевна. В кои-то века собрались с братом на рыбалку, а ты все мероприятие хочешь сорвать. У Макара мандраж - сама полезай. Чай, знала на ком женилась.

Евсеева уселась бочком на стул. Нога на ногу, юбочка вот-вот треснет по швам. Начала взхлеб отговаривать братьев от рыбалки. Лучше собраться у них на даче. Попить чайку под яблонями, послушать радиолу, посплетничать всласть. Да и река рядом. Купайся, сколько пожелаешь. Рыбачить тоже, наверное, можно. Рыбаки там днюют и ночуют. Так зачем забираться за тридевять земель?

Леонид сразу заколебался. Борис решил не уступать, но, взглянув на сноху, осекся: у той вот-вот слезы покажутся. Рая взмолилась:

- Ребята, я ведь нынче лета еще не видела. Кругом люди, а я все в одиночестве. Уедете на рыбалку, а мне опять у окна гадать, когда вернутся мои мужички.

Братья переглянулись. Возразить было нечего.

Условились, что Рая отыщет убежавшего куда-то с ребятами сына и они втроем придут на дачу поздней. А Борис отправится туда сейчас вместе с Ниной: ставить антенну, наготовить дров, запастись водой.

Логачев напутствовал:

- Смотри там, Борис, не продешеви. Сперва требуй полный расчет, а только потом на крышу полезай. Черт-те знает, какая там у них крыша. Может, не крыша, а крышка.

Макар встретил их уж слишком суетливо. К жене под-

летел - будто десять лет не виделись. Борису даже стало жаль его. Рискую оскорбить хозяйку, Борис решил сразу дать понять ей, чтобы она слишком не зарывалась. Невысокая, крепкотелая, с несколькими оспинками на широком лице, она держала над своим Макаром полную власть. Флиртуя напропалую, Нина Евсеева, возможно, только старалась встряхнуть своего слишком уж флегматичного мужа. Однако Борис был уверен, что расчетливая Евсеева ни на какого хахалю своего покладистого и "кормового" Макара все-таки не сменяет. Но бережного Бог бережет. И Борис избегал оставаться с ней наедине. А Евсеева и сегодня осталась верной себе. Она только рассмеялась Борису в лицо, и уже через несколько минут он вместе с Макаром рысью бегал по даче, выполняя распоряжения хозяйки. Это его начало забавлять. Оставаясь с Евсеевой наедине, он каждый раз больно тискал ее. Ему захотелось узнать, где же допустимый предел мужскому нахальству. Но она только жмурилась и липла горячим телом. В крохотных сенцах Борис запрокинул ее на пустую бочку. Бочка откатилась, и они грохнулись на пол. Евсеева вскочила первой. Нагнулась, куснула ему ухо. Вылетела на улицу, напустилась на мужа:

- Сколько раз говорила: убери из-под ног хлам. Чуть спину не сломала из-за проклятой бочки!

Борис посплюнвил палец и подержался за горевшее ухо: "Бедный Макар!"

Вечер выдался теплым и безветренным. На "донки" ни разу не клюнуло. Зато Вовка поймал фунтового язя. Косая струя подмыла берег - и тополь-великан рухнул в реку. Его ветвистый ствол скрылся в глубине, но разлапистый выворотень полузатонул всего в метре от берега. Около выворотня образовалась круговерт. Там сбились пенные хлопья и разный мусор. Около него паслась стайка сторожких язей. Борис дал Вовке удочку и тот бегал с ней по берегу. Закидывать удочку у Вовки силенок не хватало. Он просто кидал леску и ждал, когда поплавок отплывет подальше от берега. На какой-то момент Борис отвлекся от наблюдения за ребенком. А зря. Течение понесло поплавок к выворотню, последовал резкий рывок. Вовка несколько мгновений оторопело смотрел на сползающее в воду удище, но тут же упал на

него и придавил телом. Метнувшийся Борис прямо-таки отшвырнул племянника подальше от воды. Противная слабость только что испытанного испуга подсекла ноги, и Борис обессилено опустился на песок. Притянул к себе племянника, обнял. Хорошо, что Рая ничего не видела. Борис встал, прихватил с земли метровую чурку и подвел Вовку к воде. Кинул чурку в воронку круговерти, та сделала несколько сужающихся кругов, встала торчком и мгновенно всосалась в глубину. Вовка вцепился в дядины трусы и смотрел расширившимися глазами.

Язей распугали, и сколько потом Борис не забрасывал удочку, поклевки не последовало. Потом сообщали ершей, где берег полого уходил под воду. Стоило поплавок коснуться воды, и он тут же отвесно нырял вглубь. Когда клевало у Вовки, тот садился на удище верхом и, гикая и нахлестывая себя рукой по ягодице, волоком вытаскивал рыбешку на песок.

Ужинали в саду. Не вставая с вкопанных в землю скамеек, можно было дотянуться до малинника, успевшего вымахать в человеческий рост. От недавно политых грядок пахло огурцами и укропом. Хлебали "вовкину" уху и хвалили юного рыболова. Вовка ухватил самый толстый кусок ржаного хлеба и закашлялся. Мать похлопала его по спине.

- Не спеши, не спеши... Не на пожар... Вот белый хлеб - он мягкий.

Вовка даже не взглянул на батон, сказал солидно:

- Черняшка - это сила. А тухлой будешь - каждый насует.

Евсеева затопала и взвизгнула от восторга. Макар раскатился смехом. Леонид посмотрел на сына долгим взглядом. Рая укорила деверя:

- Борис, ты чему ребенка учишь?

Борис потянулся к Вовке, отломил половину от его куска.

- Я племяша плохому не учу. Вова будет у нас сильным и ловким парнем. Плавать он уже умеет. Бокс осваиваем. А зимой будем кататься на лыжах и коньках. Ка-ак у него сегодня язь хватил! Даже волна пошла. Рыба знает, кому клевать. Ага, Вова?

Вова солидно кивнул, не выдавая секрета известного

Ужинали в саду. Не вставая с вкопанных в землю скамеек, можно было дотянуться до малинника, успевшего вымахать в человеческий рост. От недавно политых грядок пахло огурцами и укропом.

только ему да дяде.

Леонид казался на редкость оживленным и с аппетитом ел. Раю это особенно радовало. Последнее время он ел, как ребенок, с Вовкой наравне. Больничный лист Леониду закрыли. Завтра ему на работу.

Евсеева под столом жалась сильной ногой к Борису и одновременно разыгрывала роль радушной хозяйки. Прикрикивала на своего Макара: сбегай туда-то да принеси то-то... Борис подкладывал Вовке и себе вишневого варенья и прикидывал: не следует ли ему все-таки поближе заняться хозяйкой? Давно выплясывает. Макара только не охота обманывать. А может, его - лопуха - как раз и следует проучить?

Макар негромко рассказывал Леониду о делах на участке. Монтаж очередного гидроагрегата идет без особых сбоев, и если заводы-поставщики не подведут, то на сей раз монтажники обойдутся без штурмовщины.

- Мне, Данилыч, даже как-то самому странно: уже пару недель вовремя ухожу на работу, и вовремя заявляюсь домой. Ведь все так и должно быть, а вот удивляюсь.

Леонид поинтересовался, подтверждаются ли слухи насчет досрочного монтажа двух последних агрегатов. Борис почему-то темнит и начальник участка тоже держит в неведении. А что рабочие по этому поводу поговаривают?

Нина то и дело встревала в мужской разговор, допытываясь: неужели на производстве ее муженька кто-то слушается? Ну какой из ее Макара, прости Господи, командер?

Рая сердито толкала подружку:

- Нинка, ты ремня просишь. Макар, отлупи ты ее разок. Вон она какая тугая да толстомясая. Ремешок к ней так и прилипнет.

Макар чесал переносицу дужками снятых очков и виновато жмурился.

- Надо бы, да визгу не оберешься.

Несколькими глотками допил чай, отставил стакан.

- Пока ничего конкретного, Данилыч, с последними агрегатами не определилось. Верин помалкивает, но судя по некоторым слабо уловимым признакам, эти машины для него, как красная тряпка для быка. А рабочие? Ну, что рабочие? Будто ты, Данилыч, не знаешь наших работяг? Им только хорошо заплати, и будут вкалывать день и ночь. А таких, как толстокожий Дорош, кроме длинного рубля да пивка, наверное, больше ничего не интересует.

Леонид быстро взглянул на товарища, сел прямо и оказался лицом в тени. Борис перестал щелчками сбивать со стола вишневые косточки и недобро замер. Рая заметила с легкой иронией:

- Ты, Макар, что-то часто жалуешься на своих рабочих. Чем они, неслухи, тебя обижают? Вот прокомментируй-ка такой факт: не так давно я по заданию редактора нашей многотиражки заглянула в районный суд. Задала судье вопрос: как решаются конфликтные дела между рабочими и администрацией? Судья ответил: примерно, из каждых четырех таких дел три решаются в пользу рабочего. Как это понять?

Макар с неожиданной для него живостью огрызнулся:

- Я, Рая, по судам не бегаю, и что, и как там решается - не знаю, и знать не хочу. Но что рабочих подраспустили - это факт. Все к нам, мастерам да прорабам, с претензиями. А мы - боги? Начальники и повыше нас есть.

- Ответ грубый и неумный...

- А что другого я тебе могу ответить, Рая?

- Ладно. Послушаем рабочего. Борис, это действительно так?

- А ну вас всех. Хоть здесь-то меня не заводите.

- А ты сам с утра завелся. В квартире все на Леню наскакивал. С кухни я мало слышала, о чем вы спорили. Но спорили о производстве. Вот и продолжите спор по хорошему, а мы слушаем. В редакцию многотиражки рабочие частенько заглядывают. Слушаешь иного и чувствуешь, что он тоже не договаривает. Видимо, тоже заводиться не хочет.

Борис поплотней укутал засыпающего Вовку в пиджак, ответил с досадой:

- Спор беспредметный. Инженер Евсеев сам себя сечет.

- Я секу? Ну ты и ляпнул! Тебя, Борис, все-таки трудно поставить рядом с Дорошем. Ты где-то на полпути к интеллигенту. Тебе много легче, чем Дорошу, понять скрытые пружины производства.

Борис рассмеялся.

- Ведь умный ты мужик, Макар, а послушать тебя - уши вянут. Шлыков Борис где-то на полпути к Макару Евсееву. Какая честь! А такие, как Дорош, еще из пещер не вылезли. Будь уверен: Дорош понимает не хуже нас с тобой. "Скрытые пружины"... От кого скрытые? И зачем скрытые? Граф-то Суворов что поговаривал? "Каждый солдат должен понимать свой маневр"...

- Иди ты, Борис, со своим графом... Признаю, что я не совсем удачно выразился. Конечно, Дорош - работник каких поискать, но...

... Здесь, Макар, наверное, все-таки лучше поставить точку, а не запятую. "Рабочих подраспустили"... А ты не распускай. Ты на то и поставлен. А Макар ходит вокруг слесарей и мямлит: "Производственные отношения так сложны"...

- С тобой, Борис, по-хорошему не поспоришь. Ты не споришь, а под дых бьешь.

- А чего с тобой церемониться? Сам начал. Если уж на то пошло, то послушай, как относятся к тебе рабочие. В том числе и толстокожий Дорош.

Евсеева отодвинулась от Бориса и вся напряглась. Он даже почувствовал, как по ее коже пробежали мурашки. Борис одобряюще ей кивнул.

- Ты не Бог, но вполне толковый инженер. У тебя, в частности, явно выраженная конструкторская жилка. Кто больше всех на участке внес рацпредложений? Инженер Евсеев внес. Если с деталью какая неувязка, кого рабочие зовут первыми? Зовут Шлыкова Леонида и Макара Евсеева. Придет наш Макар, посмотрит на деталь, ощупает ее, затылок почешет, потом поясницу поскребет, помычит что-то нечленораздельное и уйдет. А вскоре смотришь несет бумажку: "Ребята, а нельзя ли так? Вот тут я немножко прикинул". Делаем и получается. Тот же Дорош недавно обрезал одного деятеля. Ты, говорит, еще сероват, чтобы обскакать нашего Макара. Сказал и нахально на него уставился. Мартыныч так может.

- Может, - с явным облегчением согласился Макар и поинтересовался, не тот ли это человек, который целую неделю добивался, когда кончим с направляющим аппаратом турбины.

- Он самый. Ему, видимо, было поручено проследить за ходом работ, а он не в состоянии дать общую оценку положению дел и прицепился к этому узлу, будто весь агрегат только из направляющего и состоит. Поставить этого деятеля на место прежде всего следовало бы инженеру Евсееву, а наш Макар всю ту неделю кряхтел да трагически переживал каждое посещение того деятеля.

- С чего мне было переживать?

- Вот и мне интересно знать: чего Макар переживал?

Рая подала голос:

- Чего-чего, а трагически переживать мы умеем.

Макар опять неожиданно огрызнулся:

- Передовица в многотиражке - это, Рая, одно, а шишка из главка - совсем другое.

Евсеева даже из-за стола приподнялась:

- Макарушка-а, зубки прорезаются? Ну-ка еще разок: ам-ам...

- Один ноль в пользу Макара, - подытожила Рая.

Евсеев что-то пробормотал непонятное. Подбодрил себя рюмкой вина.

- Борис, а ты насчет Дороша не загнул?

- Была нужда.

- Придется перед ним извиниться. Вчера я ему лишка наговорил.

- И не выдумывай. Мартыныч тебя к аллаху пошлет вместе с твоими извинениями. Он из тех людей, которым никогда лишнего не наговоришь, потому что последнее слово Мартыныч все равно оставить за собой.

Евсеева обошла стол и поцеловала мужа в темя.

- А я уж, Макарушка, думала, что ты у меня совсем бесталаный. С сегодняшнего вечера опять начну в тебя влюбляться.

Пригладила ему волосы, вернулась на свое место.

Макар привалился спиной к яблони, призадумался. Леонид продолжал хранить молчание. Женщины закутались в один платок и перешептывались. Борис отыскивал ногу Евсеевой. Та не отодвинулась. По ноге потекло приятное тепло.

- Не журись, Макар. Моего брата, хотя он в том и не признается, высшее образование тоже порой связывает по рукам и ногам. Где бы надо кулаком - он на мораль нажимает. И сам же от своей морали переживает даже больше супротивника. Попроще бы надо, попроще. Белое есть белое, а черное есть черное. Вот так, товарищи инженеры.

- Все-таки есть пророки в нашем отечестве, и Борис Шлыков один из них.

Рая сказала из-под шали:

- Попереживать мы действительно любим. Только кому наши переживания нужны? Река жизни знай течет себе и течет.

- Внемли, Макар. Но вообще-то, Рая, тебе переживания на пользу. Ты от них все тончаешь и тончаешь. И одновременно все хорошеешь. Нарочно переживаниями себя моришь. И муж за тобой тянется - тоже талию наводит. А от тебя скоро начнет исходить божественное сияние, как от святой Магдалины.

- Не болтай, Борис, глупостей. Временами и без них тошно. А за Магдалину спасибо, деверек. С уличной девкой меня сравнил.

- Разве? Тогда извини, пожалуйста. В священном писании я не силен. Мельком слышал о такой святой, но профессии ее не знал. По горячей сетке, наверное, проходила: продленный отпуск, надбавки к тарифу, спецпитание и прочие льготы. А профсоюз у них был? Вот бы куда председателем стройкома. Как ты, Макар, на это смотришь?

Евсеева хихикнула, а Рая сокрушенно сказала:

- Женить тебя, Борис, надо, женить. И чтобы жена загнала тебя в институт. И чтоб детей тебе нарожала кучу. И про Магдалину ты знаешь. Только простачком прикидываешься. Леня, хотя бы ты на него повлиял.

Леонид пошевелился, но вступить в разговор желания не проявил. В спорах с братом ему всегда приходилось держаться начеку. Борис умел безошибочно нащупать самые уязвимые болевые точки в позиции старшего брата. При посторонних людях Леонид избегал с ним спорить. Даже в присутствии одной Раи он отделялся от наскоков Бориса односложными фразами.

Борис прислушался к мерному Вовкиному дыханию и старался не потревожить ребенка, осторожно вышел из-за стола.

- Не пора ли по домам? А то разговор принял сугубо воспитательный характер. Нашей Рае всех бы пересвистать да переженить.

Рая пододвинулась к лампочке и, посмотрев на часы, с сожалением согласилась, что пора по домам. Пока женщины убрали посуду и тушили свет, мужчины вышли за калитку. Через минуту Рая их догнала, а у Евсеевой калитка никак не закрывалась. Она крикнула Борису, чтобы он ей помог. Замок закрылся с первого поворота ключа, и Борис с досадой попенял:

- Все блажишь?

Евсеева только фыркнула:

- А что, немножко нельзя уж и поблажить? Придешь завтра антенну доделывать?

- У тебя же Макар.

- А меня хватит и на Макара, и на Борю.

Давясь беззвучным смехом, Борис ускорил шаг...